

Таким образом, отсутствие государственной регистрации договора аренды недвижимости означает, что заключенное между сторонами соглашение не дает лицу, принимающему имущество в пользование, прав на это имущество, которые могут быть противопоставлены не знавшим об аренде добросовестным третьим лицам.

Подводя итог, следует отметить, что поведение субъекта правоотношений по принципу «все, что не запрещено, то разрешено» приводит не только к положительным результатам, представляя собой удобства осуществления хозяйственной деятельности, не ущемляя интересы другой стороны и не нарушая принципы гражданского права, но также и к отрицательным моментам, которые вводят в сомнение соблюдение принципа свободы договора. И только лишь соблюдение грани между положительным и отрицательным самоволием при заключении договора приведет к эффективности правоотношений и соблюдению принципа свободы договора.

Список литературы

1. Богданов Е.В. Свобода и произвол как элементы договорного регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2017. N 3. С. 41 - 53
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 N 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестника ВАС РФ №1, январь 2012 г.
3. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.03.2017 N 09АП-67597/2016 по делу N А40-124989/16//СПС Консультант плюс

© Ю.П. Мясина, 2017

УДК 343.63

К.О. Попов

старший преподаватель
Алтайский институт экономики –
филиал Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики
г. Барнаул, Россия

тельной сфере. Одной из весьма обсуждаемых в научных кругах сторон несовершенства уголовно-правовой политики, стала непоследовательность с составом клеветы и декриминализацией оскорбления в Уголовном кодексе РФ (далее - УК РФ). Действия законодателя по поводу состава клеветы вызывают множество вопросов. В Государственной Думе сторонники возвращения клеветы в УК РФ поясняли свою

позицию в основном тем, что декриминализация этой статьи, проведенная в рамках либерализации законодательства, ни к чему хорошему не привела. В связи с этим возникает резонный вопрос, правильно ли было делать выводы всего лишь через полгода? Также, по мнению, определенной, части общества, это делалось в угоду определенным лицам. Как отмечает В.В. Пылин, отдельные граждане увидели в нем реакционный тренд в ответ на возросшую гражданскую активность [1, с. 18].

Вообще, вопрос о соотношении конституционного права на свободу слова и клеветы в российской правовой науке обсуждается достаточно давно. Как известно, в России действует ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с которой, каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Вместе с тем осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах «...защиты репутации или прав других лиц». При этом положения данной нормы должны толковаться в соответствии с правовой позицией Европейского Суда по правам человека (далее - ЕСПЧ), выраженной в его постановлениях.

Сформированную позицию ЕСПЧ можно выразить следующими примерами.

Так, например, дело Далбана против Румынии, в котором журналист обвинил директора государственного предприятия и сенатора округа в мошенничестве [2]. ЕСПЧ отметил: «Представляется неприемлемым, чтобы журналиста лишали возможности высказывать критические мнения, даже если нельзя доказать их истинность, понятие «журналистская свобода» допускает также использование высказываний, до некоторой степени преувеличенных и даже провокационных». В деле «Де Хаэс и Гийзельс против Бельгии» ЕСПЧ отметил: «...Пресса выполняет существенную функцию в демократическом обществе. Она не должна преступать через определенные пределы, тем не менее, основной ее задачей, является распространение любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, информацию, вызывающую общественный интерес [3].

Если далее анализировать другие подобные дела, то можно сделать вывод, что в постановлениях ЕСПЧ прослеживается системность принимаемых решений о том, что для СМИ относительно рамок понятия «свобода слова» в исключительных случаях должны быть исключения, если дело касается общественной необходимости, и происходит отсылка к более ранним. Примечательно, что законодатель и правоприменитель, например, в США, Франции, Германии указывает, что публичное обсуждение вопросов, имеющих большую социальную значимость, не может обходиться без ошибочных утверждений, поэтому должна быть возможность критики иногда даже ложной. В этих странах также разделяется позиция ЕСПЧ, как указывалось выше, что в отношении публичного лица границы допустимой критики шире, чем в случае критики в адрес частного лица, поскольку первый неизбежно и сознательно открывает себя для тщательного наблюдения за каждым своим словом и поступком со стороны журналистов и большей части общества и, следовательно, он должен проявлять большую степень терпимости к сообщениям о себе.

нодателем, ни правоприменителем в РФ. А ссылка в решениях судов первой инстанции на постановления ЕСПЧ по данной категории дел скорее исключение из правил. Хотя на возможность их применения прямо указывают постановления Пленума ВС РФ приводимые выше. Благодаря своей активной позиции ЕСПЧ успешно предопределяет ориентиры и тенденции развития национального законодательства и нормотворчества в сфере свободы слова и печати во многих зарубежных государствах. За время пока клевета была декриминализована, у отечественного законодателя была возможность учесть многолетний опыт и позицию ЕСПЧ, однако, к сожалению, этого не было сделано.

Список литературы

1. Пылин В.В. Может ли новый закон о клевете стать расправой над критиками, ущемлением свободы слова? / В.В. Пылин // Право и жизнь. - 2012. - № 174 (12). - С. 17-34.
2. Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 сентября 1999 г. «Далбан против Румынии» / Информационно-правовой портал Гарант, 2017. [Электронный ресурс] -URL: <http://base.garant.ru/12130010/> (дата обращения: 01.06.2017).
3. Решение Европейского Суда по правам человека от 24 февраля 1997 г. «Де Хаэс и Гийзельс против Бельгии» / Информационно-правовой портал Гарант, 2017. [Электронный ресурс] -URL: <http://base.garant.ru/2561475/> (дата обращения: 01.06.2017).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5.03.2013 г. № 4 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10. 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» / Информационно-правовой портал Гарант, 2017. [Электронный ресурс] -URL: <http://base.garant.ru/70329166/> (дата обращения: 01.06.2017).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» / Информационно-правовой портал Консультант Плюс, 2017. [Электронный ресурс] -URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 01.06.2017).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» / Официальный сайт Верховного суда РФ, 2017. [Электронный ресурс] -URL: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?id=8717 (дата обращения: 01.06.2017).
7. Просолоенко Ю.В. Значение решений Европейского суда по правам человека при производстве по уголовным делам. / Ю.В. Просолоенко // Актуальные вопросы современной науки. - 2014. - №35. - С.311-322.
8. Симагин А.С. Постановления Европейского суда по правам человека, вынесенные против третьих стран, в системе возможных источников уголовно-процессуального права России / А.С. Смагин / Право и управление XXI век. - 2008. - №3. - С. 115-118.

© К.О. Попов, 2017